

«Поскольку копьё было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней, нам становится понятным и обычный в летописи термин — „изломить копьё“, употреблявшийся для обозначения того, что воин первым принял участие в битве», — говорит Д. Лихачев.⁷ «Иногда выражение „изломить копьё“ употреблялось только для обозначения первой боевой схватки князя, его личного участия в единоборстве перед общей битвой», — читаем далее. Итак, «„изломить копьё“ — это символ вступления в единоборство, символ личного участия князя в битве», — заключает Д. С. Лихачев.⁸ Это его заключение как нельзя лучше перекликается с тем, что мы видим в тексте «Слова», со словами, вложенными в уста князя Игоря: «Хошу бо, рече, копѣ приломити конецъ поля Половецкаго с вами Русици, хошу главу свою приложити» (стр. 6).⁹ Следовательно, историческая достоверность бытования этого воинского обычая в боевой практике древнерусских дружинников, и в особенности князей, и его самобытность не вызывают сомнений. А отсюда естественный вывод, что он не мог не найти выражения в системе изобразительных средств древнерусской лексики. Словосочетание «копьё изломити» превратилось во фразеологическую модель, укоренившуюся в определенном стиле литературного языка древней Руси.

Однако факт наличия в древней русской письменности выражения «копьё изломити» еще не абсолютное доказательство существования в ней и словосочетания «копьё приломити» (подчеркиваем, «приломити», а не «изломити»). Ведь именно это неполное покрытие обоих слов — «изломити» и «приломити» (с *из-* и *при-*) дало основание дошедшему до крайности в своем скептицизме проф. А. Мазону причислить выражение «копѣ приломити» «Слова» к воображаемым галлицизмам.¹⁰ Посмотрим, насколько оправдано это сомнение в свете показаний старинных русских памятников и фольклорных записей и не пришло ли время окончательно вывести его из состава улик, направленных против подлинности «Слова».

Обращаясь к анализу морфемного состава глагола «приломити» в разбираемом выражении в «Слове», не можем не сослаться на то, что повергающая в смущение скептиков приставка *при-* в «приломити» (не «изломити» или «сълломити» и т. д.) обычна для целого ряда глаголов в нем. За исключением глагола «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) глаголы с префиксом *при-* (с различными смысловыми оттенками, разумеется) встречаются в «Слове» еще в 14 случаях (всего в нем 9 различных глаголов с *при-* в 14 фразах). Это глаголы в разных формах: прикрыти (стр. 5, 12, 19), приложити (стр. 6), привести (стр. 16), прихаждати (стр. 19), притоптати (стр. 21), притрепати (стр. 33, 34), притрепетати (стр. 21; исправляют на «притрепати»), припѣшати (стр. 24), приодѣти (стр. 34), пригвоздити (стр. 37). В их окружении глаголы «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) совсем не выглядят

«Слово о полку Игоревім», пам'ятка феодалної України-Русі XII віку. У Київі, 1926, стр. 167; D. Čiževskij. Lexikalisches, I, стр. 340; T. Čiževska. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966, стр. 276.

⁷ Д. С. Лихачев. Устные истоки. . . , стр. 75.

⁸ Там же.

⁹ Здесь и далее в скобках в тексте указываются страницы по первому изданию «Слова»: Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

¹⁰ А. Мазон считает, что «изломити копьё» и «приломити копьё» отнюдь не одно и то же, и сблизает и отождествляет «изломити» с французским *briser*, а «приломити» с *rompre*. См.: A. Mazon. Le Slovo d'Igor, стр. 57, прим. 2.